

НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ ВОЛЯ
Суд не может отменить результаты выборов не только
потому, что просто не может...

Конституционное и муниципальное право, 2009, № 7. С.12-14

Может ли адвокат оправдывать судью, который вынес решение не в его пользу? Такое бывает нечасто. И все же я позволю себе это сделать, поскольку далеко не все так просто в практике судебного рассмотрения публично-правовых споров в России. Публично-правовые споры – это споры о выборах, о митингах и демонстрациях, о политических партиях и др. Повторяю – здесь далеко не все так однозначно как об этом заявляет оппозиция, обращаясь в суд за защитой своих прав и предвзято свой заведомый проигрыш. Фемида у нас, конечно, зрячая с остро конъюнктурным пронизывающим взглядом. Но будем справедливы – с позиции гражданского процесса в подобных спорах ей даже с повязкой на глазах не всегда есть что положить на чаши своих весов, чтобы принять обоснованное решение.

Естественно, я прекрасно отдаю себе отчет о состоянии отечественного правосудия, которое чрезвычайно мало пригодно для защиты практически любых интересов, кроме интересов государевых людей (хотя, конечно, всякое бывает). После присоединения России к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и распространения на нашу страну юрисдикции Европейского Суда по правам человека понимание этого позорного состояния стало еще и мировым достоянием.

Я также понимаю, что суд наш зависим и несвободен. Что там, где хоть немного отдает политикой, показания «старшины Иванова» для этого суда во сто крат весомей показаний десятков нормальных свидетелей. Потому что старшина Иванов – государев человек, а свидетели – просто граждане России, то есть практически никто. Я знаю, что судьи, как и большинство избирателей, полагают, что отмена результатов выборов равна

как минимум гражданской войне, а как максимум - национальной катастрофе. Потому что их в этом убедили. Потому что они находятся в плену навязанного им заблуждения, что главное для всех нас - это не здоровая конкуренция политических сил и не выбор народа, а стабильность и нерушимость правящей элиты со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поэтому, какая уж тут отмена результатов выборов!

Я вынуждена констатировать, что в России к настоящему моменту сложилась порочная судебная практика игнорирования массовых нарушений избирательного законодательства, происходящих на глазах всего населения. Что эта практика вредна и опасна, поскольку она не только порождает чувство безнаказанности у тех, кто эти нарушения допускает, но и создает основу для наглой «игры без правил», которую все мы наблюдали в ходе последних парламентских и президентских выборов. Кроме того эта практика являет собой крайне бесполезную для судебной системы публичную имитацию правосудия, окончательно разрушающую веру граждан в какую-либо государственную справедливость.

И, тем не менее, учитывая все вышесказанное, я смею утверждать, что суд не может отменить результаты выборов **НЕ ТОЛЬКО** потому, что просто не может этого сделать.

Что же ему мешает? Первое и главное – это сама формулировка закона, предусматривающая возможность такой отмены. В законе сказано, что суд может отменить результаты выборов, «если допущенные нарушения не позволяют выявить **действительную волю** избирателей»¹. Вдумайтесь! Даже у простого читателя сразу же возникнет масса вопросов. Что такое «позволяют», кому «позволяют», кто «позволяет», и где грань между «позволенным» и «непозволенным»? Что такое «действительная воля»? А что, бывает еще и «недействительная»? Как определить ее действительность

¹ См.: ч. 3 ст.77 Федерального Закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»

или недействительность? И вообще что такое воля избирателей – это результат голосования или нечто большее? В законе об этом нет ни слова.

Это политики и журналисты могут позволить себе публично заявлять о подмене волеизъявления, о массовых фальсификациях, о нарушении принципа равенства и об административном беспределе. Об этом может говорить и знать вся страна. Но у судьи задача гораздо более сложная - в случае принятия решения об отмене результатов выборов он должен будет обоснованно доказать, что выявленная воля не соответствует воле действительной. Как это сделать? Закон опять-таки ничего на эту тему не говорит. Сколько нужно сфальсифицированных голосов, чтобы результат выявления воли был подвергнут сомнению – десять, сто, тысяча, миллион? Влияет ли искусственное увеличение явки избирателей на действительность воли, и если влияет, то как это надо учитывать? Конечно, если речь идет о небольшом избирательном участке, на котором под сомнение поставлено более половины голосов избирателей, то решение еще можно принять. А вот как быть с выборами федеральными?

Еще сложнее обстоит дело, когда заявитель обжалует порядок формирования народной воли в ходе предвыборной агитации. Например, жалуется на неравенство доступа кандидатов к СМИ. Тут, как говорится, совсем уже темный лес. Закон лишь устанавливает принцип равенства как важнейшее условие свободных и справедливых выборов. И все. А дальше, мучайтесь, Ваша Честь, сами. Сами на основе неюридических знаний и здравого смысла определяйте критерии равенства и неравенства, сами устанавливайте перечень факторов, влияющих на формирование воли «и прочая, и прочая, и прочая...». Но ведь при принятии решения судья не может сослаться на учебник по конституционному праву или на монографию по политологии. То есть он попадает в ситуацию «пойди туда, не знаю куда», подчиняясь при этом закону, в котором ничего не сказано по существу. И даже если судья отменит выборы по подобным основаниям, то нет никаких

гарантий, что кассационная инстанция не применит при принятии своего решения иные доводы или моральные представления.

У судьи, рассматривающего публично-правовой спор, есть еще одна очень серьезная правовая «засада». Это система доказательств. Дело в том, что для публично-правовых споров в России до сих пор еще не создана специальная процедура рассмотрения. Она есть только у Конституционного Суда. Все же остальные споры рассматриваются судами общей юрисдикции в порядке гражданского судопроизводства. И для гражданских дел в ГПК вся эта система очень хорошо прописана – речь идет об относимых и допустимых доказательствах (ст.ст.59 и 60 ГПК). При этом правило допустимости доказательств применяется по отдельным делам, чаще всего связанным с применением норм гражданского права². То есть в материальном праве оговорены особые условия правореализации. Но нормы материального права, из которых вытекают публично-правовые споры, как правило, ничего подобного не предусматривают, в то время как вопросы о допустимости доказательств возникают постоянно.

Например, для того, чтобы лицо было признано акционером, необходима запись в реестре, которая и является доказательством специального имущественного статуса данного лица. Или заключение судебно-психиатрической экспертизы является единственным доказательством для признания лица недееспособным. Или для ряда сделок предусмотрена специальная нотариальная форма, соблюдение которой является доказательством совершения таких сделок. Тут судье все понятно. А вот что делать с копией протокола избирательной комиссии, полученной наблюдателем, или с мониторингом электронных СМИ, или с уставом политической партии, представленными в качестве доказательств в публично-правовых спорах? Если реестр акционеров регистрируется государством, нотариус удостоверяет сделку от имени государства, судебно-психиатрическую экспертизу проводят специально уполномоченные на то

² См.: Научно-практический комментарий к гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации /под. Ред. В.М.Жуйкова, В.К.Пучинского, М.К.Треушников. – М.2003. С.202.

медицинские учреждения, то копию протокола выдает какая-то участковая комиссия, которая государственным органом не является. Все мы помним, как в первые годы после того, как было введено правило о выдаче копий протоколов, а у комиссий еще не было своих печатей, что они на этих копиях ставили! У меня, например, долго хранилась копия со штампом «врач-гинеколог» вместо печати.

Это для нас для всех понятно, что та самая копия протокола, оформленная надлежащим образом, является самым что ни на есть существенным и безусловным доказательством фальсификации, если вдруг данные окончательного протокола расходятся с данными этой копии. Но это опять-таки с позиции здравого смысла. А в законе такого вывода не содержится. И что делать судье, который подчиняется только закону?

С мониторингом еще хуже. Вся страна в течение трех месяцев перед выборами наблюдала откровенный перекосяк в информировании граждан о деятельности одной единственной политической партии и ее лидеров и в агитации за нее же по сравнению с другими партиями. Казалось бы, это общеизвестный факт, который в соответствии с ГПК (ст. 61) в доказывании не нуждается вообще. Но это правило существует только для имущественных споров. А для публично-правовых - будьте добры, доказывайте с помощью мониторинга. Только закон вновь ничего о таком мониторинге не говорит, а посему все ваши усилия могут оказаться бессмысленными, поскольку суд сочтет, что ваш мониторинг не вполне корректен и не «тянет» на допустимое доказательство.

Таких примеров можно привести множество. А вывод один. Возможность отмены результатов выборов по суду за нарушения избирательного законодательства является главной гарантией взятого на себя государством обязательства честно и справедливо формировать государственные органы путем прямого волеизъявления населения. Такая мера конституционно-правовой ответственности нормальна, закономерна и необходима, потому что обязанность без гарантии не значит ровным счетом

ничего. И если отечественный судья когда-нибудь стряхнет с себя замшелые представления о суде как о винтике Системы, если задумается, наконец, о своей действительной ответственности перед государством и обществом, если поймет, что именно его «ничего не вижу» и «ничего не слышу» порождают тяжелейшие общественно-опасные последствия... Если это все же когда-нибудь произойдет, то тогда судья, рассматривающий заявление об отмене результатов выборов должен оказаться в ситуации законодательной определенности, которая позволит ему принять решение на основе закона.

Для этого нужно, как минимум, определить, при каких условиях воля избирателей является недействительной, кто и на основе каких доказательств вправе принять такое решение. И, в конце концов, пора создать нормальную процедуру для разрешения публично-правовых споров. Ничего страшного в этом нет. Создали же арбитражно-процессуальный кодекс, в котором учли особенности имущественных споров между юридическими лицами. В противном случае все конституционные достижения в области политических прав и свобод граждан останутся только на бумаге.

Но, боюсь, что это практически непосильная задача для сегодняшних российских думцев, которые за прошедшие шесть лет не только разучились делать что-либо сами без указания «сверху», но и полностью перестали выполнять изначальную парламентскую функцию – вести серьезный общественно-политический разговор о проблемах страны, объявив свою палату местом, свободным от дискуссий.